

Рахимбирдиева И. М.

КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПОНЯТИЕМ НАУЧНОГО ЗАКОНА В ЛИНГВИСТИКЕ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/54.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 2 (21): в 3-х ч. Ч. III. С. 141-145. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/2-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

3) в сочетании «шумный + сонорный» (179 употреблений): /sn/ - 34 раза, /dl/ - 21 раз, /sl/ - 16 раз, /dn/ - 10 раз, /s'n/ - 9 раз, /zj/ - 9 раз, /žj/ - 5 раз, остальные - /kn/, /gj/, /tl/, /dv/, /s'l/, /dž'n/, /džv/, /šj/, /šm/, /tj/, /tn/, /dj/, /žl/, /šl/, /č'n/ и т.д. - представлены в небольшом количестве (от 1 до 3 раз);

4) в сочетании «сонорный + сонорный» (129 употреблений): /vl/ - 19 раз, /vn/ - 16 раз, /rj/ - 14 раз, /nj/ - 8 раз, /nm/ - 5 раз, /rn/ - 5 раз, /rl/ - 5 раз, /rm/ - 5 раз, а также сочетания /ml/, /rn/, /jl/, /vj/, /nl/, /rv/, /n'n/, /n'j/, /mn/, /mj/, /n'm/, /n'l/, /jv/, /jn/, /l'm/ и др., встречающиеся в небольшом количестве.

Рассмотрев группы согласных с точки зрения их классификации по активному органу, следует отметить, что в зависимости от места образования согласного консонантная сочетаемость представлена следующим образом (на 769 употреблений):

1) сочетаемость губных (108 употреблений): с губными - 11 (/mb/, /mp/, /vb/, /vm/), переднеязычными - 66 (/bd/, /md/, /mt/, /vt/, /vz/, /ms/, /vs/, /vn/, /mn/, /bn/, /ml/, /vl/), среднеязычными - 20 (/bz/, /vz/, /ms/, /vs/, /mj/, /vj/), заднеязычными - 11 (/pk/, /mk/, /vg/, /vk/);

2) сочетаемость переднеязычных (384 употребления): с переднеязычными - 220 (/nd/, /rd/, /st/, /žt/, /št/, /džt/, /nt/, /rt/, /rz/, /ts/, /šs/, /ns/, /rš/, /rs/, /dn/, /tn/, /sn/, /rn/, /dl/, /tl/, /zl/, /sl/, /žl/, /šl/, /nl/, /rl/), губными - 30 (/dv/, /tp/, /zm/, /sm/, /žm/, /čm/, /np/, /nm/, /rp/, /rm/, /rv/), среднеязычными - 70 (/rt', /rz', /ts', /šs', /ns', /rs', /sn', /šn', /rn', /dj', /tj', /žj', /sj', /zj', /šj', /džj', /nj', /rj', /žl'/), заднеязычными - 64 (/tk/, /sk/, /šk/, /čk/, /nk/, /rg/, /rk/);

3) сочетаемость среднеязычных (235 употреблений): со среднеязычными - 107 (/s't', /t's', /dž's', /č's', /n's', /j's', /l's', /n'dž', /d'n', /s'j', /č'j', /n'j', /l'j/), губными - 11 (/d'm/, /dž'v/, /č'm/, /č'v/, /n'm/, /jb/, /jv/, /l'm/), с заднеязычными - 43 (/s'k/, /č'k/, /n'g/, /jg/, /jk/, /l'g/), переднеязычными - 74 (/z'd/, /dž'd/, /jd/, /z't', /s't', /n't', /jt', /l't', /s's', /č's', /j's', /l's', /s'š', /s'n', /dž'n', /č'n', /n'n', /jn', /d'l', /s'l', /č'l', /n'l', /jl', /l'l/);

4) сочетаемость заднеязычных (42 употребления): с губными - 2 (/gm/, /km/), переднеязычными - 29 (/gd/, /kt/, /ks/, /kš/, /kl/), среднеязычными - 11 (/ks', /kn', /kj/).

Из представленного материала видно, что в коми языке подавляющее большинство консонантных сочетаний приходится на типы «переднеязычный+переднеязычный» и «среднеязычный+среднеязычный». Необходимо также принять во внимание большое различие в количестве теоретически возможных и реально обнаруженных сочетаний типа «губной+губной», «губной+заднеязычный», «среднеязычный+губной», «заднеязычный+среднеязычный» и «заднеязычный+губной».

Как показывает анализ исследованного материала, одни типы сочетаний зафиксированы нами лишь в двух-трех словоформах, другие, напротив, представлены в нескольких десятках слов. Таким образом, можно утверждать, что количество слов, в которых имеются те или иные конкретные типы сочетаний, указывают на частую дистрибуцию данных сочетаний. В коми языке среди всех консонантных сочетаний преобладают /sn/, /s'k/, далее следуют последовательности согласных /kt/, /št/, /rk/. Эти сочетания по сравнению с другими преобладают по своей употребительности, они и являются самыми продуктивными в коми языке.

КРИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД ПОНЯТИЕМ НАУЧНОГО ЗАКОНА В ЛИНГВИСТИКЕ

Рахимбирдиева И. М.

Астраханский государственный технический университет

Над понятием научного закона достаточно много размышляли лингвисты как XIX века, так и XX века. Но при этом не очевидно, все ли они оглядывались на законы в естественных науках и все ли одинаково понимали, что такое закон. Принято считать, что понятие закона было тогда стандартным, но доподлинно не известно, было ли оно стандартным и, если да, то действительно ли оно сейчас; назрела необходимость определить статус закона, понять его положение в лингвистическом мышлении по отношению к общекультурному мышлению.

Прежде чем рассмотреть научные законы в лингвистике, следовало бы определить классическое понятие закона в науке вообще. В современной методологической литературе научный закон рассматривается как универсальное, необходимое, существенное, устойчивое, повторяющееся отношение между элементами данного предмета, между свойствами вещей, а также между свойствами внутри вещи. Универсальность закона в науке означает, что он распространяется на все объекты своей области, действует во всякое время и в любой точке пространства. Необходимость, присущая научному закону, является не логической, а онтологической, она определяется не структурой мышления, а устройством реального мира, хотя также зависит от иерархии утверждений, входящих в научную теорию. Благодаря законам ученые пытаются понять и реконструировать изучаемые явления. При этом важно помнить то, что научные законы имеют дело с идеальными объектами, представляющими сущность явлений.

Прослеживая историю научных законов с самого возникновения современной науки и по сей день, принято выделять три этапа развития научного закона: 1) период становления, когда закон функционирует как гипотетическое описательное утверждение и проверяется, прежде всего, эмпирически; 2) период зрелости, когда закон в достаточной мере подтвержден эмпирически, получил ее системную поддержку и функционирует не только как эмпирическое обобщение, но и, как правило, основание оценки других, менее надежных утверждений теории; 3) период старости, когда он входит уже в ядро теории и используется прежде всего, как правило, для оценки других ее утверждений и может быть отброшен только вместе с теорией; проверка такого закона касается, прежде всего, его эффективности в рамках теории, хотя за ним остается старая, по-

лученная еще в период его становления эмпирическая поддержка. На втором и третьем этапах своего существования научный закон является описательно-оценочным утверждением и проверяется как все такие утверждения [Философия: энциклопедический словарь 2004].

Рассмотрев диахронию понятия научного закона и его общепринятое понимание, следует обратиться к истории становления понятия научного закона и выявить причины его проблематичности. Понятие научного закона начало складываться в XVI - XVII веках в период формирования современной науки. Однако идея закономерных связей между явлениями человеческого мира получила свое развитие уже в античной философии, хотя понятие природного закона (*lex naturae*) встречается только в римской философии Лукреция. И если античные философы-материалисты подчеркивают объективность и всеобщность законов материального мира, то в средневековой философии томизма эти законы рассматриваются как выражение божественной воли, как целенаправленные тенденции, наложенные на вещи Богом. Понимание законов как проявление божественного разума можно найти еще у Беркли и Лейбница. В оппозиции к этому подходу стоит пантеизм идентификации Бога и природы у Бруно и Спинозы, который соответствует потребностям бурно развивающегося в XVI и XVII веках естествознания. Однако, в то время господства механики вместо понятия закона, которое еще не стало всеобщим, часто используют математические или естественнонаучные понятия. Так, Коперник и Кеплер говорят о гипотезах, Галилей - об аксиомах и теоремах. И только у Декарта и Ньютона наряду с понятием правила появляется также понятие природного закона в научном контексте, где наука еще «служит» Богу, чтобы доказать совершенство Творца [Klaus und Buhr 1966: 220].

В начале XVII века, на заре своего становления, наука «отказывается» от Бога, но, несмотря на это, понятие закона природы сохраняется. Теперь, однако, природа сама себе вменяет законы. В основном считалось, что закон - понятие универсальное и распространяется на все области познания. Каждая наука призвана устанавливать законы и на их основе описывать и объяснять изучаемые явления.

В лингвистику понятие закона пришло вместе с возникновением и развитием сравнительно-исторического языкознания в начале XIX века. Как известно, «научность» науки определялась наличием естественных законов в ней, так как открытие таких законов было главным делом ученых того времени.

Первым таким законом в лингвистике стал закон Гримма - закон передвижения согласных. Однако ранее понятие закона в лингвистике употребил основоположник сравнительно-исторического метода Франц Бопп. Именно он ввел понятие «звукосет» (*Lautgesetz*). Но, как считает Т. А. Амирова, это было «в большей мере простое использование «удобной» терминологии» [Амирова и др. 2006: 248]. А. В. Десницкая объясняет это тем, что Ф. Бопп, применяя подобные аналогии, стремился объективно разрабатывать языкознание как точную по своим методам и конкретную по своему содержанию науку [Десницкая 1984: 125].

Однако уже в работах А. Шлейхера понятие закона получает естественнонаучную «окраску». Подтверждение этому можно найти в таких высказываниях ученого, как то, что «языки - это естественные организмы», которые «выросли и развивались по определенным законам и в свою очередь стареют и отмирают» [Десницкая 1984: 241]. И хотя Шлейхер употребил выражение «естественный организм» в прямом биологическом значении, было бы неправильно думать, что он так и считал. Следует отметить, что в то время господствовал субъективно-идеалистический психологизм, и Шлейхер, употребляя по аналогии естественнонаучные термины, таким образом заявлял о материализме своего подхода к языку. По мнению Шлейхера, язык - это звуковое выражение мыслительного процесса: «Язык - воспринимаемый ухом симптом деятельности целого комплекса материальных отношений в построении мозга и речевых органов с их нервами, костями, мускулами и др.» [цит. по Десницкая 1984: 242].

Причисляя языкознание к разряду естественных наук, Шлейхер сравнивал закономерности развития языка с закономерностями развития природных явлений, поэтому он считал возможным применение в языкознании методов естественных наук, что дало бы более надежные результаты, чем результаты, получаемые историческими науками. Шлейхер утверждал, что задачей языкознания, как и естественных наук, является исследование естественных законов, которые не подчиняются «влиянию человеческой воли и произвола» [цит. по Десницкая 1984: 240]. Таким образом, по мнению А. В. Десницкой идея «естественнонаучности» языкознания метафорически выражала его стремление к точности и объективности методов лингвистического исследования, а идеей «органического» развития покрывалось признание у языка собственных внутренних закономерностей. И нет сомнения, что Шлейхер в своих работах стремился к установлению всеобщих законов языка.

Говоря о натуралистической концепции Шлейхера, нельзя не вспомнить выдающегося продолжателя данной теории Георга Курциуса. В своих работах он особое внимание уделяет строгому выявлению звуковых переходов и их причин, что нужно было ему для определения действительно рациональных норм для этимологии при помощи звуковых законов. У Курциуса еще сильнее, чем у Шлейхера, заметно использование естественнонаучной терминологии, что можно проследить в его законах языка. Курциус делит историю языка на два периода: период роста и развития и период старения, отмирания. После первого периода языковой организации наступает период «кристаллизации» с одновременным уменьшением состава звуков. Второй период, по Курциусу, - период «выветривания», когда с языком происходит то же, что и с каменными породами, постепенно разрушающимися под влиянием атмосферных условий, но сохраняющими свою сердцевину. При этом следует отметить, что основную цель языкознания Курциус видел в том, чтобы «разложить существующие формы на их первоначальные составные части и распознать бессознательные цели творившего языкового духа» [Curtius 1873: 85].

Но только в трудах младограмматиков понятие закона, в частности звукового закона, приобретает свою проблемную значимость. Именно их понятие закона стало предметом критики понятия закона вообще, насколько это может быть применимо к лингвистике. Младограмматизм, как направление в лингвистике, формируется в последнюю треть XIX века, распространяясь по всему миру и оказывая влияние на все последующее языкознание.

Это направление явилось результатом осознания неудовлетворительного состояния компаративистики середины XIX века и творческих попыток изменить это положение. К этому времени стали осознаваться как настоящая необходимость преодоления ошибочных положений романтиков и критика натуралистической концепции языка, особенно крайностей натурализма в языкознании, назрела необходимость выработки более строгих методов анализа языкового материала, накопленного в предыдущий период. Ведущие младограмматики, прежде всего, стремились к уточнению основных принципов и задач науки о языке и совершенствованию методики лингвистического анализа [Амирова и др. 2006: 383].

Младограмматики Г. Остгоф и К. Бругман призывали отказаться от старых методов исследования древних языков на бумаге и выйти «на свежий воздух осязаемой действительности и современности» [Остгоф, Бругман 1964: 191], так как только так можно достичь правильного понимания преобразования языковых форм и выработать те методические принципы, без которых нельзя достичь достоверных результатов в исследованиях по истории языка. Тем самым они предлагали преобразовать прежние методические принципы науки, но это не было руководством к снесению «здания сравнительного языкознания» в том виде, в каком оно существовало на тот момент. Они просто предлагали пересмотреть некоторые «шаткие» положения с целью улучшения всего сравнительно-исторического языкознания [Остгоф, Бругман 1964: 193].

В этой же работе Г. Остгофом и К. Бругманом были выдвинуты и защищались три положения:

1) фонетические законы, действующие в языке, не имеют исключений (исключения возникают в результате перекрещивающихся законов или вызываются другими факторами);

2) очень важную роль в процессе создания новых языковых форм и вообще в фонетико-морфологических изменениях играет аналогия;

3) в первую очередь необходимо исследовать современные живые языки и их диалекты, ибо они (в отличие от древних языков и литературного языка, созданного под контролем человека) могут служить базой для установления лингвистических и психологических закономерностей [Остгоф, Бругман 1964: 194].

Однако против первого положения выступили и Г. Пауль, и Б. Дельбрюк. Пауль в своей работе «Принципы истории языка» [Пауль 1964: 187] говорит о том, что понятие «фонетический закон» нельзя понимать в том смысле, в каком «закон» понимается в физике или химии. Фонетический закон, пишет он, не говорит о том, что должно происходить снова и снова при наличии определенных условий общего характера; он только констатирует однородность определенной группы известных исторических явлений. Дельбрюк во «Введении в изучение индоевропейских языков» тоже выступает против определения фонетических законов как законов природы. По его мнению, язык складывается из действий людей и, следовательно, фонетические законы относятся не к учению о закономерности явлений природы, а к учению о закономерности человеческих действий, кающихся произвольными [Дельбрюк 2003: 125].

Согласно философии языка, принятой младограмматиками, естественноисторическое развитие языка идет через индивидуально- или коллективно-психологические отклонения, реализующиеся в материальной, звуковой сфере и физиологии производства звуков. В этих условиях самодвижение языка надо искать в материале речи - в звуках. Звуки речи под влиянием общих или частных произносительных условий склонны изменяться. Эти изменения приводят к сдвигам в системе. И младограмматики строго различают понятия звуковых соответствий как сопоставление (генетически) одного и того же звука в разных системах и звуковых законов как простой или сложной трансформации одного и того же звука в пределах генетически одной и той же системы.

Учение о звуковых законах получило такую глубокую детальную разработку в трудах младограмматиков в силу чисто практических потребностей уточнить методику сравнительно-исторических исследований. Но в основе столь пристального внимания к этой проблеме лежит их философская концепция: научную ценность представляют те, и только те, положения, которые могут быть проверены на фактическом материале, причем из них не должно делаться никаких выводов. И здесь явно прослеживается некоторое противоречие. Ведь в отличие от Шлейхера они не видели в языке естественного, «организмического» образования и для них закон не должен представлять нечто важное с методологической точки зрения, и поэтому непонятна их верность закону. Реальность языка у младограмматиков - это реальность речевых актов у человека в конкретных ситуациях. Однако, они пытались сохранить понятие закона, отрицая его природную сущность.

Вместе с тем младограмматики упорно работали над осознанием сущности и условий фонетических изменений и созданием непротиворечивой и по возможности полной теории фонетического закона. Если прежде были популярны сравнения фонетических законов с естественными законами, «действующими со всей необходимостью, свойственной законам природы» [Curtius 1873: 84], то в работах многих младограмматиков уже встречается более ограничительная интерпретация фонетических законов. Более того, Т. А. Амирова подчеркивает, что такие видные младограмматики, как Г. Пауль и А. Лескин, неоднократно высказывались против старого истолкования фонетических законов [Амирова и др. 2006: 397]. Звуковые законы, выдвинутые младограмматиками на первый план в лингвистическом исследовании, в течение многих лет были предметом оживленной дискуссии. В процессе этой дискуссии пришлось пересматривать подход к

проблеме звукового закона. Под давлением фактического материала пришлось признать, что сфера действия звуковых законов ограничивается целым рядом факторов: хронологическими и пространственными пределами, встречным действием аналогии, позднейшими иноязычными заимствованиями, различными произносительными условиями.

Что касается характера протекания звуковых изменений, то младограмматики подчеркивали незаметность, постепенность языковых изменений, которые настолько незначительны, что носители этих изменений, т.е. говорящие, даже не догадываются об их существовании. Таким образом, на протяжении одного поколения могут произойти лишь очень незначительные изменения. Более заметные изменения могут иметь место только тогда, когда старшее поколение будет вытеснено младшими.

Уточнение этой проблематики стало возможным только с появлением теоретической фонологии - раздела языкознания, занимающегося анализом фонем вообще и в конкретных языках. Представители структуралистического направления, исследовавшие отношения, которые существуют внутри системы языка, предложили рассматривать не звуки, а их абстрактные типы - фонемы, и варианты этих фонем - аллофоны, в связи с чем стало возможным более детальное изучение «фонетических законов» [Вунпон 1981: 22]. Теодора Байнон в своей книге «Историческая лингвистика», а также Эндрю Сайлер в своей «Истории языка» выделяют такие звуковые законы, как слияние и расщепление (которое в свою очередь подразделяется на первичное и вторичное) [Вунпон 1981: 22; Sihler 2000: 45-47].

Однако в свое время младограмматики еще не знали всех этих тонкостей, хотя и понимали, что исследуемые ими звуковые процессы не могут происходить так скачкообразно, как это являлось на первый взгляд. Тем не менее, нельзя не признать того, что тот обширный фактический материал, собранный младограмматиками в области фонетики и морфологии оказал огромное влияние на развитие лингвистики в целом.

Но, несмотря на то, что младограмматики внесли огромный вклад в развитие языкознания, некоторые аспекты их учения, тем не менее, подверглись острой критике как изнутри этого движения, так и со стороны представителей других направлений. Критиковались историзм и атомизм младограмматиков, понимание ими языка как самостоятельного механизма, функционирующего в соответствии с звуковыми законами. Ведь, по сути, основными объектами изучения младограмматиков были фонетика и морфология, и суть их исследований сводилась лишь к сбору и описанию фактов языка. Однако, здесь следует отметить, что в конце XIX века В. Виндельбанд и Г. Риккерт выдвинули идею о том, что наряду с генерализующими (номотетическими) науками, имеющими своей задачей открытие научных законов, существуют индивидуализирующие (идеографические) науки, не формулирующие никаких собственных законов, а представляющие исследуемые объекты в их единственности и неповторимости. То есть происходит разграничение наук о природе, где объектом так и остаются научные законы, и наук о человеке, где научные законы покидают свои значимые позиции. Эти процессы в мире науки не могли не оказать влияние на дальнейшее развитие языкознания. В идеях виднейших критиков младограмматизма И. А. Бодуэна де Куртенэ, Г. Шухардта, К. Фосслера сильно ощущалось влияние социологии. Они видели не имманентное явление, а инструмент, нужный человеку для восприятия и передачи информации, сложную систему, состоящую не только из фонетики и морфологии.

Естественно, что, критикуя основные положения младограмматиков, они критиковали в первую очередь звуковые законы. Здесь важно то, что никто из критиков не отрицал самих фактов звукового закона. Так, Ф. де Соссюр писал, что для лингвистики «было бы величайшим благодеянием» избавиться от понятия «закон» [Соссюр 2000: 125]. Но следует отметить, что, критикуя звуковые законы, они возражали против механистичности этих законов, т.е. против попытки младограмматиков придать им естественнонаучный характер. В то время над понятием «закона» еще только начали задумываться, и в принципе никто категорически от него не отказывался. Так, например, И. А. Бодуэн де Куртенэ утверждает «законы» равновесия языка и законы исторического движения языка [Амирова и др. 2006: 448]. Что касается Г. Шухардта, то кроме всего прочего он возражает против «непреложности законов», ограниченных временем, пространством и явлениями аналогии, то есть против «неуниверсальности» этих законов [Шухардт 1950: 53]. Однако, после открытия Эйнштейном теории относительности в начале XX века знаменитые законы механики тоже перестали быть универсальными, оставаясь действительными для своей среды функционирования. Это могло бы быть общенаучным оправданием для ограниченных законов младограмматиков. Интересен тот факт, что критика младограмматизма не привела к тому, что понятие закона перестали употреблять в истории лингвистики, т.е. закон Гримма так и остался законом, но современные лингвисты большей частью избегают употребления понятия закона в своих собственных исследованиях.

Огромное влияние на обновление данной проблемы оказал Э. Гуссерль. Именно его феноменологическая концепция обратила внимание науки и философии на проблему научного закона. Закон, с точки зрения феноменолога, есть момент объективизации интенции, в то время как объективность - это наш идеал в познавательной деятельности, а не забавы самой природы [Husserl 1996: 57].

Джозеф Гринберг предлагает заменить «закон» «универсалией» и при этом сам говорит, что «when we think of universals we think of laws ...» (Когда мы думаем об универсалиях, мы думаем о законах) [Greenberg 1995: 146]. С этим не соглашается В. П. Литвинов, называя универсалию «еще более претенциозным словом» [Литвинов 2008: 74], призывая тем самым к чуть большей научной трезвости. Закон, по В. П. Литвинову, - «это форма теоретического знания, необязательно нечто сверх того» [Литвинов 2006: 57]. Таким образом, в конце XX века приходит понимание того, что закон - это не законы, по которым природа существует, а

то, что «отражается на определенном этапе развития человеческой деятельности в виде законов» [Щедровицкий 2003: 148]. Более того, Г. П. Щедровицкий считает, что «закон - это очень неточная и малоэффективная форма знакового выражения механизма», но что «закон очень выгоден в употреблении именно потому, что он неадекватен реально происходящим явлениям» [Щедровицкий 2003: 250].

Как видно из вышеуказанного, к понятию «закона» в современной науке действительно сформировалось скептическое отношение, но очевидно и то, что наука от него не отказывается, просто происходит переосмысление его значения и его места в познании мира. А что касается века XIX, то не следует быть очень строгим к лингвистам той эпохи за их чрезмерное возвеличивание данного понятия, ведь с другой стороны благодаря стремлению открыть новые научные законы наука имела возможность развиваться дальше. И современная наука, возможно, является тем, что она есть сейчас, именно благодаря научным законам.

Список использованной литературы

1. **Амирова Т. А., Ольховиков Б. А., Рождественский Ю. В.** История языкознания. - М.: Изд. центр «Академия», 2006.
2. **Дельбрюк Б.** Введение в изучение языка. - М.: Едиториал УРСС, 2003.
3. **Десницкая А. В.** а) Франц Бопп - основоположник сравнительного изучения языковых структур; б) Понятие языкового развития и языковой истории в лингвистической концепции Августа Шлейхера // Понимание историзма и развития в языкознании первой половины XIX века. - Л.: Наука-Ленингр. отд-ние, 1984. - С. 105-125, 236-276.
4. **Звегинцев В. А.** История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. - М.: Просвещение, 1964. - Ч. 1.
5. **Литвинов В. П.** Принципиальные понятия для истории языка // Текст, речь, коммуникация. - Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2006. - Вып. IV. - С. 50-58.
6. **Литвинов В. П.** Гуманитарная философия Г. П. Щедровицкого. - М.: ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2008.
7. **Соссюр Ф. де.** Заметки об общей лингвистике / Пер. с французского. - М.: Изд. группа «Прогресс», 2000.
8. **Философия:** Энциклопедический словарь / Под ред. А. А. Ивина. - М.: Гардарики, 2004.
9. **Шухардт Г.** Избранные статьи по языкознанию. - М.: Изд-во ин. литературы, 1950.
10. **Щедровицкий Г. П.** Процессы и структуры в мышлении. - М.: Путь, 2003.
11. **Vynon Theodora.** Historische Linguistik. - Gegenüber d. engl. Orig. überarb. u. erw. dt. Ausg. - München: Beck, 1981.
12. **Curtius G.** Grundzüge der griechischen Etymologie. - Leipzig: Verlag von B. G. Teubner, 1873.
13. **Greenberg Joseph H.** The Diachronic Typological Approach to Language // Approaches to Language Typology. - Oxford: Clarendon Press, 1995. - P. 145-166.
14. **Husserl Edmund.** Die Krisis der europäischen Wissenschaften und transzendente Phänomenologie: eine Einleitung in die phänomenologische Philosophie. - Hamburg: Meiner, 1996.
15. **Philosophisches Wörterbuch.** Herausgegeben von G. Klaus und M. Buhr. - Leipzig: VEB Bibliographisches Institut, 1966.
16. **Sihler Andrew L.** Language History. An Introduction. - Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2000.

ТИПОЛОГИЯ КОНСТРУКЦИЙ С ОБРАЩЕНИЯМИ В ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

Рожкова А. В.

Петрозаводский государственный университет

Содержательная, композиционная и собственно языковая организация произведений гимнографического жанра имеет вполне определенную структуру и характеризуется рядом специфических особенностей. Неотъемлемым компонентом синтаксического строя гимнографического текста является обращение. Посредством обращения в церковно-поэтических произведениях прославляющего характера реализуются разноплановые коммуникативные связи. Первой и самой важной составляющей коммуникативного строя является Богообращение, или шире (учитывая разнообразие сакральных ликов) - над/сверх - общение. Наличие такой центральной коммуникативной установки сближает тексты гимнографического характера с молитвословиями, коммуникативная природа которых также была предметом пристального изучения [Прохватилова 1999: 81-115]. Очевидно, что термин «гиперкоммуникация», предложенный О. А. Прохватиловой, достаточно полно отражает характер ключевой коммуникативной связи, реализованной в гимнографических текстах. Коммуникативные связи второго плана ограничены сферой адресантов, членов православного сообщества. Такая модель коммуникации, когда адресант является одним из адресатов, когда осуществляется коммуникация с коллективным Я, может быть обозначена как автокоммуникация [Мусхелишвили: 3].

Обращение, участвуя в актуализации обозначенных коммуникативных связей, выступает в составе повествовательных и побудительных предложений. Ниже будут по отдельности рассмотрены две группы предложений с точки зрения их грамматического оформления, структурных и содержательных особенностей, реализации коммуникативных установок. Материалом для наблюдений послужили рукописные источники XII - XIX, содержащие гимнографические произведения, созданные в честь русских святых Бориса и Глеба, княгини Ольги, Кирилла Белозерского, Ефрема Новоторжского и др.

Первую группу составляют обращения, которые входят в состав предложений, повествующих о событиях из жизни воспеваемого Адресата, о действиях, совершенных и совершаемых им самим:

